

УДК 32

**Архетипические образы Доброго Батюшки-царя и Грозного царя
Московского царства как инструмент мифологизации/деифологизации
власти в современных СМИ**

Постникова Екатерина Георгиевна

Доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации,
Магнитогорский технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: ekaterinapost@mail.ru

Харитоновна Светлана Викторовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и литературоведения,
Магнитогорский технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: kirhel73@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи – на основе материалов СМИ выявить наиболее популярные в политическом дискурсе архетипические образы и ситуации русской истории, чаще всего проецируемые на современную российскую действительность, и интерпретировать способы и цели подобной реактуализации исторической мифологии русской власти. Образы русских царей традиционно являются инструментом для мифологизации/деифологизации власти в западных и российских СМИ. Одним из «вечных» мифов русской национальной мифологии является миф о «Добром Батюшке-царе» («белый миф»). В российских и зарубежных СМИ традиционно тиражируется «черный миф» о кровавом жестоком деспоте-московите Иване Грозном. Подключение образа политика (властителя, главы государства) к архетипическому образу Иоанна IV всегда имеет целью деифологизацию или даже демонизацию власти. Отождествление политика с прототипическими героями прошлого позволяет встроить его в систему «вечных» мифов или «выбить» из нее. Подключение архетипических образов русской

исторической мифологии к образам современных политиков – одно из проявлений феномена медиатизации политической власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Постникова Е.Г., Харитоновна С.В. Архетипические образы Доброго Батюшки-царя и Грозного царя Московского царства как инструмент мифологизации/демифологизации власти в современных СМИ // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 4А. С. 261-270.

Ключевые слова

Политический дискурс, архетипические образы, политика, журналистика, Иван Грозный, власть.

Введение

Науке давно известен феномен мифологизации истории, подключения к реальным сложным историческим личностям древних архетипических образов, а к историческим событиям – прасобытий. Курт Хюбнер утверждает: «Нация, понимаемая сквозь призму мифа, определяется через *архетипически понимаемую историю*» [Хюбнер, 1996, 327]. Замечательное определение дает Владимир Полосин: «Национальная мифология есть совокупный, иносказательно выраженный коллективный опыт самосохранения, внутренней организации и развития сообщества в качестве одной великой семьи. Мифология нации – это иносказательный образ ее нравственного идеала, ее «крови» и «почвы», это *аллегорическая автобиография нации*» [Полосин, 1999, 83]. У Андрея Кольева читаем: «Нация – семья народов, *соединенная идеей прошлого и пониманием миссии в настоящем и будущем*» [Кольев, 2003, 333]. Все современные исследователи сходятся в одном: история любой нации – это история мифологизированная. Когда-то произошедшие в действительности, но рассмотренные сквозь призму мифа и особым образом интерпретированные исторические события становятся строительным материалом для современных национально-политических мифологий. И действительно, оказывается, что «все яркие, с точки зрения нации, события насквозь мифологичны» [Почепцов, 2000, 216].

В периоды кризисов, аналогичных политическому кризису Россия – Запад 2014-2017 гг., общественно-публицистический дискурс действует по законам массового сознания. При этом исторические персонажи подводятся под некий эталонный образец, им буквально навязывается определенная роль, как когда-то еще в XIX веке, к примеру, была навязана сложной исторической личности Николая I роль «тяжелого тирана в ботфортах», или как от его сына Александра II требовали стать «Героем-избавителем» («Царем-освободителем»), а до этого Александр I был вписан в архетип Царя-Благословенного. По мнению Мирча Элиаде: «Это

сведение событий к категориям, а личностей – к архетипам происходит в сознании европейских народных слоев вплоть до наших дней в соответствии с архаической онтологией (...). Историческая личность уподобляется своему историческому прообразу (герою и т.п.), а событие ассимилируется с категорией мифических действий (борьба с чудовищем, братья-враги)» [Элиаде, 2000, 52]. Законы «архаической онтологии» и механизмы мифологизации активно используются СМИ для достижения политических целей.

Целевая установка данной статьи – на основе материалов СМИ (в основном берутся материалы зарубежных изданий, переведенные на русский язык и опубликованные на сайте ИНОСМИ) выявить наиболее популярные в политическом дискурсе архетипические образы и ситуации русской истории, чаще всего проецируемые на современную российскую действительность, и интерпретировать способы и цели подобной реактуализации исторической мифологии русской власти.

Основная часть

Сначала отметим, что в современном политическом дискурсе стало традицией к образу российской власти подключать «старый-добрый» архетип Царя. Делается это, конечно, не без умысла. Русским и европейским читателям каждый раз напоминают, что самодержавный образ правления, традиция авторитаризма и диктатуры, ставшие частью российского менталитета, создают из русского народа (подвластных) вечных рабов, а из элиты, представителей власти – царьков-самодуров. Россия в таком контексте трактуется как страна недемократическая (даже антидемократическая), нецивилизованная, отсталая, опасная своей непредсказуемостью, которую обязательно нужно «сдерживать».

Один из примеров – статья Пола Нотта (Paul Knott) «Экзамен по истории за 2066 год: Путин оставил после себя «пост-правдивую» политику и хаос» [Нотт, 2016], в которой, как заявляет автор, *рассматривается вопрос: «хорошим или плохим царем для России оказался Владимир Путин?»*. В одной этой статье президент РФ 7 раз называется царем («царь уничтожил», «политика царя», «новоявленный царь», «смерть царя», «царь отстаивает», «подобно царю», «плохой царь»), 1 раз диктатором, 1 раз деспотом, 1 раз монархом, и ни разу – президентом. Автор статьи, бывший дипломат, упорно игнорирует тот факт, что герой его рассказа – легитимно избранный президент России. Без всякого сомнения, в данном случае образ царя/монарха стал инструментом мифологизации и стереотипизации личности политика.

Не обошли вниманием западные СМИ и традиционную русскую национальную мифологию. Актуализируется архетип Доброго Батюшки-Царя, в его классическом варианте, со всеми составляющими: Добрый Батюшка-Царь, «злые бояре»-элита, народ, который заодно с царем. Бояре, как и положено, утаивают правду от царя. Нужно обратиться к царю напрямую (традиция

отправлять «ходоков» к царю). Именно этот миф, иронично поданный, саркастически переосмысленный часто используется для комментирования событий внутренней жизни России. Так, к примеру, в уже цитированной нами статье Пола Нотта читаем: «Пока эти *бояре наших дней* зависели от него, поскольку он обеспечивал им *доступ к кормушке*, Путин мог сохранять стабильность, выступая в качестве арбитра в спорах между этими людьми». Именно этот национальный миф из разряда «вечных» используется иностранной прессой в комментариях «прямых линий», «пресс-конференций» с В.В. Путиным. К примеру, Шон Уокер (Shaun Walker) в статье «Прямая линия с Путиным: региональные чиновники дрожат от страха» [Уокер, 2016] утверждает: «Путин в них всегда предстает человеком, решающим любые проблемы, *царем, вершащим правосудие* — здесь и сейчас — для тех своих пострадавших или *обиженных подданных*, которым выпало счастье и которым дали возможность высказаться. Дозвониться до президента — это все равно что выиграть в лотерею — и из-за того, что шансы добиться цели у всех далеко не равны, и из-за того, что это позволяет получить вознаграждение сразу же. (...) Для многих россиян звонок Путину — это единственная *возможность добиться справедливости*». Очевидно, что в данном случае подключается и христианская мифология власти, концепция «праведного/неправедного» Царя, функциями которого как наместника Бога на земле, живого образа Первообраза Иисуса Христа были защита «обиженных», «сырых» и «убогих», «милосердие», справедливый суд и наказание виновных.

Здесь стоит сказать о том, что история России в варианте западных СМИ — это, конечно, мифологизированная история. Обратимся к статье Роджера Льюиса (Roger Lewis) «Пытки, оскотления, оргии, убийства и метание карликов: были ли русские цари самой отвратительной династией в истории?» [Льюис, 2016]. Риторический вопрос в заголовке — манипулятивный прием, имеющий целью кодирование. Статья написана по впечатлениям от «Книги недели» Саймона Себаг-Монтефиоре «Романовы: 1613-1918» (THE ROMANOV: 1613-1918). Главный тезис статьи: «Дом Романовых, продолжавший традиции монгольских ханов и византийских императоров, унаследовал блеск и дикость средневекового правителя *Ивана Грозного*». Автор утверждает: «Слово «царь» — русская версия титула «цезарь», и для первых Романовых, как для древних Калигулы и Тиберия, были характерны «пароксизмы убийств, молитв и блуда». Они не доверяли собственным советникам. Они «отрезали носы и гениталии... *связывали женщин и детей и спускали их под лед*». По этому «спускали под лед» узнается ставшая архетипическим сюжетом русской мифологии власти история жестокого похода Ивана Грозного на Новгород Великий. Вспомним щедринское: «Жгут, в реке топят и в синодики записывают». Из всех знаковых событий правления Ивана Грозного в качестве семантической доминанты выбирается история жестокого похода на Новгород Великий, когда почти все население города и прилежащих к нему окрестностей было истреблено по одному подозрению

в измене. Так же неслучайно автор цитируемой книги отзывается и о Петре Великом, который, оказывается, «стрелял по картинам, топил камин мебелью и вытирал зад занавесками». Мы сталкиваемся с обесцениванием русской истории и демонизацией русской власти.

Отсылка к Ивану Грозному, а затем и к Петру I не случайна. Образы русских царей Ивана Грозного и Петра Великого традиционно являются инструментом для мифологизации/демифологизации российской власти в западных и российских СМИ. Оба эти государя в русской исторической мифологии воспринимаются как онтологически первые, создатели русской государственности, творцы архетипических жестов [Панченко, Успенский, 1983, 55-77]. Иван Грозный был первым русским «боговенчанным» (венчанным на царство) царем. Петр Великий был первым русским императором. Именно с этими персонажами русской истории связана идея богоизбранности и особой харизмы царской власти. В их правлении берет начало явление сакрализации монарха. Самые неожиданные, на первый взгляд, поступки этих властителей воспринимались как животворящие акты первогероев (почти Богов), устанавливающие правила поведения, кодифицирующие новый порядок в самодержавном государстве.

В российских и зарубежных СМИ традиционно тиражируются «черный миф» о жестоком, кровавом деспоте-«москвитине» Иване Грозном и «белый миф» о творце, реформаторе, западнике Петре Великом. Соответственно подключение образа политика (властителя, главы государства) к архетипическому образу Иоанна IV всегда имеет целью демифологизацию или даже демонизацию власти, а проецирование образа Петра I зачастую предполагает достижение обратного эффекта (об. Этом подробнее см. в следующем номере). На образ Президента России часто проецируется архетипический образ Грозного царя Московского царства, «деспота» Иоанна IV. Особенно этот образ используется в так называемых «креализованных» текстах (текстах-картинках) и карикатурах. При этом, конечно, ни о какой объективности в подходе к исторической фигуре Ивана Грозного говорить не приходится. Об Иване Грозном давно создан на Западе «черный миф», который используется как манипулятивная технология, о чем убедительно писал С.Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза, 2005, 207-208].

Один из примеров находим в интервью Стивена Коэна Патрику Смит, озаглавленному «New York Times» по сути пишет под копирку все, что говорят киевские власти» [Смит, 2015]. Стивен Коэн – профессор Принстонского и Нью-Йоркского университетов, выдающийся специалист по России, утверждает: «Еще в 2012 году я написал статью «Демонизация Путина», в которой говорил, что многие утверждения по поводу Путина безосновательны и что провести в Вашингтоне рациональный анализ российских дел внутри страны и за рубежом невозможно, потому что все это проходит и фильтруется через демонизацию этого человека». Автор приходит к мысли, что феномен Путина надо объяснять. «Как из несомненного демократа он

превратился в самого худшего российского руководителя со времен Ивана Грозного. Как вы объясните такую идею? Может, это больше говорит не о Путине, а о нас самих?», – читаем в статье Патрика Смита.

В статьях зарубежных публицистов сравнивается внешняя политика Ивана Грозного и Владимира Путина: централизация и усиление Российского государства. Например, в статье Говарда Эймос (Howard Amos)

«В России снова любят Ивана Грозного» [Эймос, 2016] читаем: «Неизбежное и, возможно, намеренное сравнение проводится с Путиным, который гордится тем, что он централизовал и усилил российское государство, находясь более 15 лет в высших эшелонах политической власти. При Путине также расцвел национализм, особенно после конфликта 2014 года с Западом в связи с аннексией Крыма и войной на востоке Украины. Желая воскресить наследие Ивана Грозного говорят о похожих достижениях. Иван Грозный завоевал Казанское ханство, аннексировал Астраханское ханство, вел долгую, жесткую борьбу с европейскими силами в Балтийском регионе и определил границы современного централизованного российского государства. Он также создал первую в России регулярную армию».

Некоторые поступки-акты царственного харизматика Иоанна IV, ставшие впоследствии стереотипами поведения русских властителей, пра-действиями, образцами для подражания, приписываются нынешней власти. Вспоминается опричнина, традиционная игра в «униженное состояние», привычка грешить и каяться, насилие по отношению к подданным. Именно эти эксцентричные выходки властительной особы трактуются иностранными корреспондентами как парадигматические действия русской власти, константы русской истории, ее вечные ориентиры, гарантирующие неперенные «возвраты». К примеру, Вацлав Радзивинич (Wacław Radziwiłowicz) в статье «Путин как Иван Грозный» [Радзивинич, 2011] утверждает: «Путин, покинув Кремль в 2008 году и возвращающийся туда спустя четыре года, повторил то, что 436 лет назад сделал царь Иван Грозный». История временного отречения Ивана Грозного от власти и Симеона Бикбулатовича сравнивается с обменом властью в тандеме Путин-Медведев: «Простой и покорный Иванец на встречах бояр с царем садился на скромное место на задней скамье. Но все и так знали, что именно он, а не царь Симеон управляет страной». Аналогичное высказывание Эдуарда Лимонова: «Это как последнее безумство Ивана Грозного. Сначала президент, потом премьер-министр, потом опять президент», – приводит журналист Драгосея Фабрицио (Dragosei Fabrizio) в статье «Безумец как Иван Грозный, но народ восстанет» [Фабрицио, 2011].

Название статьи Михаила Чернова «Новая опричнина Путина» [Чернов, 2007] говорит само за себя. «Между тем Россия в своей истории неоднократно сталкивалась с необходимостью ротации элит для решения мобилизационных задач. Иван Грозный сломал старую боярскую

аристократию при помощи террора и особой гвардии-опричников, ставших основой нового дворянства. Причем царь впервые сделал ставку на «инородцев» – значительную часть дворянства составили инкорпорированные в российскую элиту татары. Схожие задачи и тоже зачастую при помощи террора пришлось решать Петру Первому. (...) Кадровую проблему «новых людей» придется решать и Путину. И, по всей видимости, будут в общем задействованы все те же неоднократно апробированные историей механизмы. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Планы приравнять коррупцию к государственной измене – основа», – утверждает журналист.

А автор статьи «Иван Грозный – двадцать девятый панфиловец» [Русская служба RFI, 2007] видит смысл появления памятника Ивану Грозному в современной России в том, что это «ядерный реактор» (архетипический образ) обнуляет любую дискуссию о правомерности насилия («Это ядерный реактор, (архетипический образ), от которого может запитаться даже самый малохольный начальник, утративший контроль за собственной страной. Иван Четвертый обнуляет, как теперь принято выражаться, любую дискуссию о правомерности насилия к ближайшим и воображаемым политическим противникам»).

Заключение

Итак, мы убедились, что отождествление политика с прототипическими героями прошлого позволяет встроить его в систему «вечных» мифов или «выбить» из нее. Подключение архетипических образов русской исторической мифологии к образам современных политиков в современных СМИ – одно из проявлений феномена медиатизации политической власти, процесса проникновения политического поля в медийное. Одновременно этот прием стал распространенной политтехнологией в современном политическом процессе. Для мифологизации/демифологизации и демонизации российской власти в информационной войне чаще всего используются архетипические образы Доброго Батюшки-Царя, Грозного царя московского царства (Иоанна IV). О том, какие еще архетипические образы и ситуации русской истории используются современными политтехнологами и с какой целью это делается, мы скажем в следующей статье, которая будет называться «Архетипические образы Петра Великого, Николая I – палочника и Александра II – Освободителя как инструмент мифологизации/демифологизации власти в современных СМИ» (См. следующий выпуск журнала).

Библиография

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

2. Кольев А. Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 385 с.
3. Льюис Р. Пытки, оскпления, оргии, убийства и метание карликов: были ли русские цари самой отвратительной династией в истории? // Daily Mail. ИНОСМИ. 02.02.2016.
4. Нотт П. Экзамен по истории за 2066 год: Путин оставил после себя «пост-правдивую» политику и хаос // The Financial Times. ИНОСМИ. 02.11.2016.
5. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXVII. Ленинград: Наука, 1983. С. 54-78.
6. Полосин В. Миф. Религия. Государство. Исследование политической мифологии. М.: «Ладомир», 1999. 440 с.
7. Почепцов Г. Психологические войны. М., 2000. 320 с.
8. Радзивиневич В. Путин как Иван Грозный // Gazeta Wyborcza. ИНОСМИ. 26.09.2011.
9. Смит П. «New York Times» по сути пишет под копирку все, что говорят киевские власти // Salon. ИНОСМИ. 20.04.2015.
10. Уокер Ш. Прямая линия с Путиным: региональные чиновники дрожат от страха // The Guardian. ИНОСМИ. 15.04.2016.
11. Фабрицио Д. Безумец как Иван Грозный, но народ восстанет // Corriere Della Sera. ИНОСМИ. 25.09.2011.
12. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: «Республика», 1996. 448 с.
13. Чернов М. Новая опричнина Путина // РБК daily. 16.10.2007.
14. Эймос Г. В России снова любят Ивана Грозного // Politico. ИНОСМИ, 02.11.2016
15. Элиаде М. Миф о Вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000. 435 с.

**The archetypal image of the Good Father-Tsar and the Terrible Tsar
of Muscovy as a tool of mythologizing/demythologizing
of the state power in the modern media**

Ekaterina G. Postnikova

Doctor of Philology,

Associate Professor at the Department of the Russian language,

general linguistics and mass communications,

Nosov Magnitogorsk State Technical University,

455000, 38 Lenina av., Moscow, Russian Federation;

e-mail: ekaterinapost@mail.ru

Svetlana V. Kharitonova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor at the Department of linguistics and literature,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38 Lenina av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kirhel73@yandex.ru

Abstract

The purpose of this article is to identify on the basis of media materials the most popular in the political discourse archetypal images and situations of the Russian history, most often projected on the modern Russian reality, and to interpret the methods and purposes of such re-actualization of historical mythology of the Russian power. The images of Russian tsars traditionally are the tools for mythologizing/demythologizing of the state power in Western and Russian media. One of the eternal myths of the Russian national mythology is the myth of "the Good Father-Tsar" ("the white myth"). In the Russian and foreign mass media traditionally is replicated "the black myth" of the bloody brutal Muscovite despot - Ivan the Terrible. Addition of a politician image (the ruler, head of the state) to the archetypal image of John IV has always the aim of the demythologization or even demonization of the state power. Identification of a politician with the prototypical heroes of the past allows to embed him into a system of "eternal" myths or to "knock" him out of it. Connection of the archetypal images of Russian historical mythology to the images of the modern politicians is one of the phenomenon manifestations of the political power medialization.

For citation

Postnikova E.G., Kharitonova S.V. (2017) Arkhetipicheskie obrazy Dobrogo Batyushki-tsarya i Groznogo tsarya Moskovskogo tsarstva kak instrument mifologizatsii/demifologizatsii vlasti v sovremennykh SMI [The archetypal image of the Good Father-Tsar and the Terrible Tsar of Muscovy as a tool of mythologizing/demythologizing of the state power in the modern media]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (4A), pp. 261-270.

Keywords

Political discourse, archetypal image, politics, journalistic, Ivan The Terrible, state power.

References

1. Chernov M. (2007) Novaya oprichnina Putina [New oprichnina of Putin]. RBK daily.
2. Eimos G. (2016) Russia loves John the Terrible again. Politico.

3. Eliade M. (2000) Mif o Vechnom vozvrashhenii [The myth of the Eternal return]. Moscow: Lodomir Publ.
4. Fabrizio D. (2011) Bezumets kak Ivan Grosnyj, no narod vosstanet [Insane like Joan the Terrible, but the folk will rise]. Corriere Della Sera.
5. Kara-Murza S.G. (2005) Manipulyatsiya soznaniem [The manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo Publ.
6. Kol'ev A. (2003) Politicheskaya mifologiya: realizatsiya sotsial'nogo opyta [Political mythology: the implementation of social experience]. Moscow: Logos Publ.
7. Kyubner K. (1996) Istina mifa [The truth of the myth]. Moscow: Respublika Publ.
8. Lewis R. (2016) Torture, castration, orgies, murder and dwarf tossing: were the Russian Tsars the most hideous dynasty in the history? Daily mail.
9. Nott P. (2016) Ekzamen po istorii za 2066 god: Putin ostavil posle sebya «post-pravdivuyu» politiku i khaos [Examination in the history for 2066 year: Putin left the "post-truth" politics and chaos]. The Financial Times.
10. Panchenko A.M., Uspenskii B.A. (1983) Ivan Groznyj i Petr Velikij: kontseptsii pervogo monarkha [John the Terrible and Peter the Great: the concept of the first monarch. Tom XXXVII]. In: Trudy otdela drevnerusskoj literatury [Writings of the Old Russian literature Department Vol. XXXVII]. Leningrad: Nauka Publ.
11. Polosin V. (1999) Mif. Religiya. Gosudarstvo. Issledovanie politicheskoy mifologii [Myth. Religion. State. A study of the political mythology]. Moscow: Lodomir Publ.
12. Pocheptsov G. (2000) Psikhologicheskie vojny [The psychological wars]. Moscow.
13. Radzivinovich V. (2011) Putin kak Ivan Groznyj [Putin as John the Terrible]. Gazeta Wyborcza.
14. Smith P. (2015) «New York Times» in fact writes a blueprint of all that is said by the Kiev authorities. Salon.
15. Walker S. (2016) The direct line with Putin: the regional officials tremble with fear. The Guardian.